

А. КИСЕЛЕВА

НА КАНИКУЛАХ

Рассказ

10 июля.

Пять дней живу, как в сказке, в этом чудесном городе. Тетя с утра уходит на работу, а я иду бродить. Здесь везде удивительно. На проспекте Мира разостланы искусно сотканные из цветов ковры-клумбы. Вдоль тротуаров ряды пирамидальных тополей острыми вершинами уходят в синее небо. Часами можно бродить по редкостно роскошному парку, любоваться Зеркальным прудом и Стеклой струей, подниматься на Площадку роз. Часто останавливаюсь у Лермонтовской горки, смотрю на барельеф любимого поэта, читаю стихи, высеченные под ним, какие давно помню наизусть. За пять дней я полюбила этот солнечно-радостный город. А может, я полюбила его давно, когда в четырнадцать лет прочитала «Героя нашего времени»? Как много истинного наслаждения может испытать человек!

Но сегодня мне грустно: исполнилось двадцать два года... Как много! «Уходит детство через мой порог», даже юность... А я еще никого не любила и меня никто не любил, я не слышала признания в любви, у меня не было первого поцелуя. А ведь я четыре года проучилась в институте, посещаю студию живописи. В масштабах института я даже известность: бессменный член комитета комсомола, на художественной выставке работ студийцев получила первую премию. И собой вроде недурна, из десятка не выкинешь: тонкое лицо, большие серые глаза и длинная русая коса — девичья краса, только не для нашего ультрамодного времени. Подозреваю, что эта самая коса и является причиной того, что я одна. Бабушка не хочет, чтоб я отрезала

косу, а я не хочу ее огорчать, вот и хожу в институте, единственная и неповторимая, с косой ниже пояса.

О косе, разумеется, шутка. Нельзя сказать, чтобы я никому не нравилась. Некоторые ребята, видимо, хотели со мной «ходить». Кто-нибудь пригласит в кино, походит вечер-два, смотришь, уже идет с другой. Я никогда этим особенно не огорчалась, ведь мне никто по-настоящему не нравился. Конечно, есть хорошие ребята, у меня с ними товарищеские отношения. А где же ты, которого жду? Почему его так долго нет? Был один из технологического — Витя Земцов. Пожалуй, он мне нравился. Мы ходили два вечера, о многом говорили. А на третий он взял меня за руку. Я насторожилась. Он обнял и хотел поцеловать. Мне стало неприятно и обидно, за кого меня принимает, он мне ничего не говорил о своих чувствах. Я резко освободилась из его объятий и насмешливо спросила:

— А это зачем?

— Как зачем? Ведь мы же дружим?... — удивился и, кажется, растерялся он.

— Дружба вовсе не обязывает обниматься, — назидательно сказала я и... прочитала ему маленькую нотацию. Он слушал молча. Когда кончила, вздохнул, закурил и спросил:

— Все?

— Все, — в свою очередь растерялась я.

— Ну, пойдем, я тебя провожу. Проводил, попрощался и больше не пришел. Мне было грустно, все-таки он мне нравился. Этот инцидент я рассказала Люське, она хотала до истерики, катаясь на кровати.

— Елька, ты же дурочка! Заговорила

парня так, что он сбежал без оглядки. Надо не говорить, а жить.

Люся неплохая девушка, хорошенькая, умеет «охмурять» мальчиков, меняет их каждую неделю и со всеми целуется. А может, они ее меняют? Какая же это любовь? Верно, она и сама это сознает. В трамвае познакомилась с каким-то парнем. На другой день он принес бутылку вина. Выпили и пошли куда-то. Вернулась Люся поздно ночью. Я проснулась. Она стоит среди комнаты и о чем-то думает, а потом говорит:

— Ну на что он мне нужен? Зачем я с ним целовалась? Тьфу, гадость!— хлопнулась в кровать и заплакала.

Спрашиваю, кто ее обидел. Она только и смогла сказать;

— Никто не обидел, просто какая-то мура. Ничего нет путного, а молодость уходит.

Я понимаю, она плачет оттого, что нет настоящей любви, а ждать, как я жду, не хочет. Ждать трудно. Вот и идет на свидание и целуется с первым попавшимся, а оглянется — пусто. Поэт Ошанин о нас, о Люсе написал:

Ты ждешь любовь всем существом своим!

А ждать-то какво? Ведь ты живая...

И ты идешь с чужим, не дорогим,

Тоску свою любовью называя...

Один — не тот, потом другой — не тот.

Оглянешься, а сердце-то остыло...

Когда в толпе единственный мелькнет,

Его окликнуть уж не хватит силы...

«Тоску свою любовью называя»... Как точно и верно сказано. Не хочу тоску свою принимать за любовь! Не хочу растрачивать свежесть чувств! Но... но двадцать два!.. Зачем, зачем так быстро убегают годы?..

12 июля.

Вчера весь день провела в музее Ярошенко. Потрясла картина «Всюду

жизнь». За решеткой живые люди с их тоской о воле, страданиями и крошечными радостями. Хороши у него пейзажи. Очень захотелось писать. Сегодня пошла на озеро, взяла лодку, выплыла на середину, остановилась, открыла этюдник. Стала набрасывать понравившийся мне еще в прошлый раз уголок: плакучие ивы распустили ветви до самой воды. Вода тихая, в тени зеленая, а рядом освещенный солнцем золотистый песок. Что-то милое сердцу, будто у нас дома, на Дону. Мимо проплыла лодка, в ней ребята. Громко смеялись, разговаривали и, кажется, смотрели на меня. Занятая работой, я сначала не обратила на них внимания. Через несколько минут они вернулись и остановились против моей лодки.

— Девушка, вы художница? Что вы рисуете, можно посмотреть?— обратился ко мне смуглый лет восемнадцати.

Я строго взглянула на них.

— Девушка, давайте знакомиться.

— Вам очень идет шляпа.

Я захлопнула этюдник, круто повернула лодку и поплыла прочь. Гребу я хорошо и плаваю как рыба, ведь наша Ракитная стоит на Дону. Но оторваться от них мне не удалось, они плыли борт о борт и мешали мне грести.

— Девушка, что вы от нас убегаете?

— Одной скучно. Идите в нашу компанию, весело проведем время.

— Граждане, перестаньте хулиганить,— потребовала я.

— Ай-яй-яй, такая хорошенькая девушка и такая злая! Нехорошо. Пойдемте с нами в ресторан. Будем пить коньяк, кушать люля-кебаб, шашлык, мороженое. У нас собственная машина, поедем кататься, будет весело!— искренне и горячо соблазнял меня мальчишка.

— Пожалуйста, идите, пейте коньяк, кушайте шашлык, а меня оставьте в покое.

— Мы хотим с вами.

— Что же мне на помощь позвать, чтоб оградили от ваших приставаний,— я оглянулась. Милицейская моторка стучала далеко на другом конце озера.

— Хватит, ребята!— сказал синеглазый юноша. До сих пор он ни чего не говорил, только смотрел на меня и смеялся,

похоже над тем, как мальчишка соблазнял меня. Он поклонился мне. — Простите нам плоские шутки,— вырвал у мальчишки весло и повернул лодку.

Я выплыла на прежнее место и дописала этюд, но что-то мне стало грустно: «хорошэнка дэвушка и... одна...» Да, как было бы хорошо, если бы я была не одна. Но почему многие молодые люди кажутся мне такими вульгарными, неинтересными? Ведь эти, верно, студенты, инженеры. Я просто тоскую об интеллигентных, интеллектуальных людях. Вот почему этот синеглазый привлек меня одной фразой и поклоном.

13 июля.

Вечером мы с Томкой пошли в парк на танцевальную площадку. Томка с матерью живет в том же коммунальном двухквартирном доме на окраине города, что и тетя. Тома окончила школу, работает продавщицей и мечтает поскорей выйти замуж, а ей всего девятнадцать. На танцы она ходит «подколооть» жениха.

На площадке множество ребят. Каникулы. Студенты съехались домой из многих городов, тут же курортники. Мы с Томкой стоим в толпе девиц, ожидающих приглашения. До чего же не люблю стоять в этой толпе! Здесь, как и везде, танцуют девушки, которые пришли на танцы со «своими» мальчиками. Те, у которых нет «своих», стоят и жадными глазами смотрят на проходящих парней: может, этот пригласит или тот?

— Еля,— толкнула меня локтем Томка.— Обрати внимание вон на того парня в голубом свитере. Сейчас он с нами поравняется. Кыса! Лапонька! Он все время смотрит в нашу сторону, на меня или на тебя.

Я узнала того синеглазого, что вчера был на озере.

— Тома, ты его знаешь? Томка мотнула головой.

— Нет. Как бы нам его «подколооть».

— Не нам его «подкалывать». Посмотри, какая у него девушка.

— Да, девка модная: платье из гипюра выше колен, небось, сантиметров на двадцать.— Томка посмотрела на подол

своего платья.— Говорила маме, надо шить короче.

Интересующая меня пара смешалась с толпой. Через минуту Томка в азарте ущипнула меня.

— К нам идет! К нам!

Легкой спортивной походкой он с каким-то парнем подошел к нам.

— Добрый вечер! Как самочувствие? Вчера мы, кажется, испортили вам настроение? За всех прошу прощения,— обратился он ко мне, как к давно знакомой.

Я молчала. Тома захихикала и стала ощипываться.

— Будем знакомы. Вадим!— он вежливо поклонился.

— Под таким энергичным натиском не могу устоять. Елена,— я подала руку.

Он рассмеялся и показал глазами на приятеля.

— Разрешите до конца быть напористым, представить моего товарища.

— Эдик.

— Моя подруга Тома. Заиграл оркестр.

— Потанцуем,— Вадим уверенно протянул руку, не дожидаясь согласия.

Я не отказалась, хотя его бесцеремонность меня покорибила, и танец этот не люблю: повиснут друг на друга и движутся еле-еле. Я люблю стремительно лететь и кружиться.

Я отстранилась от него и даже остановилась.

— Я так не танцую.

— Как? Такой танец, не я его придумал.

— Любой танец можно всяко танцевать. Будем поскромнее. На... почтительном расстоянии.

— Ха-ха-ха! Забавно! На по-чти-тельном расстоянии... Вы оригинальная особа, я это еще вчера заметил. Вы — художница?

— Смею вас разочаровать, всего только студентка пятого курса филфака. Живопись — мое хобби, посещаю студию.

— Это меня ничуть не разочаровало. А вы не хотели бы более близко познакомиться с вашим партнером?

— Помните крылатую фразу: «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты?» Я вчера видела вас в обществе ваших друзей.

— Нелестное же у вас создалось обо мне мнение. В таком случае почему вы не отказали мне в танце?

— А как вы это объясняете?

— Не знаю. Вам лучше знать.

— Не имею охоты распространяться, чтоб... не обидеть вас.

— Все-таки вы не похожая на других. Вот и прическа у вас не как у всех, вчера коса, сегодня локоны.

— Сердечно тронута вашим вниманием к моим локонам,— я переменяла тему:— Что же вы оставили свою девушку?

— Она мне своя, как и всякому другому... А вы скучали.

— Благодарю. Вы в этом уверены?

— Да ведь каждая девушка ждет, когда ее пригласят, а на десять девчонок, только девять ребят.

Мне стало досадно, что он отбросил мою «оригинальность» и поставил меня в толпу ждущих приглашения девиц. Это было унижительно, и я сказала вызывающе:

— Может, ждут, но не всякого.

— Вы хотите сказать, что ждали не меня?

«В самом деле, кого я жду?» И я подумала вслух, глядя на черное без звезд небо:

— Все девушки ждут светлую мечту. А он придет... тупой и грубый...

Пауза получилась, кажется, слишком длинной. Я спохватилась:

— Речь, разумеется, не о присутствующих.

— Но почему же грубый? Надо выбирать милого. Неужели у вас никогда не было милого?

Тут я вспомнила о Вите из технологического и, не знаю зачем, призналась:

— Был один, чуть-чуть похожий на мечту, но прошел мимо.

— Чуть-чуть, — повторил он, — и тот прошел мимо, так и не заметил? Но тогда он слепой.

— Оказывается, вы умеете говорить комплименты, — иронически вздохнула я, и только теперь заметила, что оркестр смолк, а мы, держась за руки, все еще продолжаем двигаться по кругу. Я остановилась и освободила руки.— Кажется, мы представляем смешное зрелище. Жарко.

Пить хочется.

— Разрешите? — он взял меня под руку и повел к буфету. Там очередь.— Выйдем с танцплощадки, недалеко есть ларек.

Вышли на слабо освещенную аллею. За деревьями и кустами таинственный мрак, и во мне что-то затаилось.

— Вы кисловодчанка?

— Да,— зачем-то соврала я.

— А почему я вас никогда не встречал?

— Не знаю. Я всегда сижу на самом видном месте.

— Сидите? Почему? На каком месте?— удивился он.

— На самом оживленном перекрестке.

— Остроумно!— рассмеялся он, поняв, что я шучу.— Сейчас выпьем. Две рюмки коньяку,— заказал он продавщице. У ларька никого не было.

— Послушайте...

— Слушаю.

— Я такое не пью,— ведь я в самом деле никогда не пила никаких вин. Моя бабушка век прожила, не зная их вкуса, и меня вырастила такой.

— Ты шутишь?— Вадим заглянул мне в лицо.

— Почему — ты?— холодно спросила я.— Мне нарзана.

— Нарзана нет,— ответила продавщица.

— Налейте ей лимонаду. Ну, выпьем на брудершафт?

— Идет.

Мы чокнулись и выпили — он коньяку, я—лимонаду. Он пил маленькими глотками и исподлобья смеющимися глазами смотрел на меня. Ну и глаза у него! Зачем парню такие?

— Я не буду коньяк обратно сливать в бутылку, придется вам выпить, все равно платить,— сказала продавщица.

— Я с пьяными не хожу,— тихонько предупредила я.

— Хо! Чтоб мне опьянеть, надо выпить три бутылки,— усмехнулся Вадим.

— Погуляем,— сказал он, когда мы отошли от ларька. Достал папиросы, поднес мне раскрытую коробку.— Прошу.

— Спасибо. Не курю.

— Разумеется, непьющая должна быть некурящей,— закурил. Ты мне кажешься замороженной.

— Прошу уточнить.

— Скажем, тысячелетия тому назад погиб мамонт и вмерз в вечные льды. В наше время его откопали, и, оказывается, замороженный, он сохранился в целости. Вот и ты сохранилась замороженная.

— Благодарю за лестное сравнение.

— Извини, но как-то надо объяснить, что ты сохранилась от тургеневских времен. Тургеневская девушка, а живешь в наше время. Не пьешь, не куришь, от мужчин держишься на по-чти-тельном расстоянии... Девушки нашего времени несколько иначе смотрят...

— Ты не можешь говорить обо всех,— перебила его. — Ты плохо знаешь девушек.

— Для моих двадцати трех вполне достаточно. Знаешь, на Западе девушек... мм... ну, тех, что...— продолжал он,— презирают...

— Я рада, что живу не на Западе,— не дала говорить ему.

— Нельзя же быть архивной древностью. Это смешно.

— Более смешно подражать этому Западу. Еще Чацкий молвил:

Чтоб истребил господь нечистый
этот дух

Пустого, рабского, слепого
подражания.

— Чацкий — прошлое. А в наш век люди спешат жить, и винить их в этом нельзя.

— А что значит — жить?

— Как что? Все испытать, узнать. Мальчишкам стать мужчинами, Девчонкам — женщинами.

— Разве это любовь: сходитья — расходиться, стать мужчинами и женщинами?

— Почему бы и нет? Какая есть большая радость? Ты знаешь?

— Знаю, но говорить не стоит.

— И я знаю. Ты имеешь в виду труд, видимо, творчество и прочую так сказать,

официальную радость. Но какая у тебя интимная, личная радость?

— Та самая, какую ты называешь официальной.

— Милая девочка, не обманывай себя. Ты просто еще ничего не испытала. Ты еще ребенок, когда твои сверстницы... фью-фью!— он близко наклонился, всматриваясь в мое лицо, горячей рукой коснулся моего локтя.

Я отстранилась.

— Пойдем, Тома меня, наверно, потеряла.

Мне стал противен этот разговор. Я быстро направилась к танцплощадке.

Потом Вадим и Эдик нас с Томкой провожали. Томка была радостно оживлена. Вадим тоже шутил и смеялся. Я молчала. Мы шли по проспекту Мира. Из репродуктора полилась русская плясовая музыка. Я остановилась, посмотрела вверх и, сойдя с панели, неожиданно для всех пошла плясать. Когда-то еще в школе участвовала в самодеятельности и здорово плясала. Сейчас, услышав нашу родную раkitинскую «подруженьку», что пляшут у нас в клубе и на улице, я понеслась в буйном плясе. И сама не понимаю, зачем я это сделала. Эх, и летала же! Хотелось всю душу расплескать в этом полете! Лихо выбила перед Вадимом чечетку, и он понесся за мной. Может, ему и не приходилось плясать, но он обладал чувством ритма и быстро приспособился. Люди останавливались, смотрели на нас, улыбались и прихлопывали в ладоши. Подошел молодой милиционер, хотел навести порядок, но тоже заулыбался, засмотрелся... Верно, мы хорошо плясали и сами были хороши, особенно Вадим, с его лица не сходила ослепительная улыбка.

— Ну вот, не странная ли ты? Все хмурилась, молчала, собиралась плакать, что нет монастырей на Руси, и вдруг пошла плясать, — сказал Вадим, когда мы свернули с проспекта.

Он бережно вел меня под руку и говорил по-товарищески тепло, будто понимал мое душевное состояние. Сейчас он мне казался чутким и нежным. А если... это верно? Он, родственная душа?! И черное небо, и могучие деревья, и свет редких электрических ламп — все казалось странно

новым и загадочным. Он тоже почему-то замолчал, может, и у него было такое же настроение, как у меня? Только у калитки он спросил:

— Когда и где встретимся?

— А ты уверен, что это нужно?

— А как же! Ты мне еще не сказала, почему пошла со мной танцевать? Почему разрешила проводить?

Я подняла брови, притворно-равнодушно ответила:

— Это я могу сейчас сказать. Есть мнение: если хочешь победить врага, узнай его хорошо.

— Я тебе враг?

— Человек чуждых мне взглядов.

— Но ты еще недостаточно изучила мои взгляды.

Тут мы увидели, что Томка у своей калитки целуется с Эдиком. Вадим с усмешкой сказал:

— Вон как быстро люди договорились, даже завидно.

— Что тебе завидовать? Сейчас на проспекте встретишь... свою знакомую и договоришься. Желая больших успехов!— и я захлопнула калитку.

А теперь жалею, что не согласилась встретиться, что-то меня в нем привлекает, не пойму что, не только же красивая внешность. А если все-таки это ОН?..

14 июля.

Примчалась Томка, возбужденная, раскрасневшаяся, захлебывается от волнения.

— Эдик с Вадиком пришли. Тебя Вадька спрашивает.

Сердечко у меня стукнуло, верно, я сделалась похожа на Томку. Я так долго одевалась и причесывалась, что Томка прибежала за мной второй раз. Я сделала прическу высотой в полметра. Платье выбрала черное, открытое и короткое, туфли на высоченном каблуке. Наверное, хотела показаться ему модной, «как все», чтоб он не заподозрил меня в намеренном оригинальничанье.

Они стояли за акацией и курили. Вадим окинул меня внимательным взглядом.

— За сутки ты подросла.

Я только теперь сообразила, что мне

не следовало так одеваться. Он мог понять это иначе, чем я предполагала, и, возможно, в его реплике скрывалась насмешка. Я попыталась вывернуться, напомнив ему, что мы враги.

— Подросла, вероятно, готовясь к бою.

Он усмехнулся. Что спрятано в этой усмешке? Скорее всего, уверенность в победе. Мы шли через наш Комсомольский парк. Расположен он на высоком холме. На главной широкой аллее цветочные клумбы. С одной стороны холма — шоссе на озеро, с трех — улицы. Мы поднялись на вершину холма. Здесь обелиск белым острием уходит в черное небо и лампа дневного света. Сразу по-южному спустилась ночь. А внизу — море огней. Ничего нет, только тысячи огней в черной тьме. Оттуда, из города, наплывает музыка.

Вадим стоит чуть ниже, поэтому лицо его немного запрокинуто. У меня рождается нежность к нему...

Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен.

Познай, где свет — поймешь, где тьма...

Ему ли, себе ли читаю я эти слова, полные мудрого смысла? Хочу что-то увидеть, познать, понять в нем.

— Ой, опаздываем в кино! — крикнула Томка.— Бежим! — схватила Эдика за руку, и они побежали вниз по аллее.

Вадим будто не слышал окрика Томки, все так же зачарованно смотрит на меня. Тишина. Только едва слышная музыка тоскует о чем-то недосыгаемом. Он говорит очень тихо, будто себе:

— Есть люди... они будят что-то необычное, словно откроют какую-то дверь и зовут куда-то. Тогда кажется...— он не сказал, что ему кажется, слов ли не нашел или не понимал себя, а спросил ожидающе:— Какие они?

Тогда я поняла, что это — ОН!

— Идем!

Мы идем рядом, не касаясь друг друга, но, мне кажется, я, слабая и покорная, опираюсь на него, сильного и

мужественного, и в то же время веду его, слабого и бессильного. Мы молча дошли до остановки. Подошел автобус. Все кинулись к нему. Вадим бережно взял меня под руку, заглянул в лицо.

— Идем?— спросил.

Мы вошли в автобус. И все стало другим. Он сидел напротив и не сводил с меня глаз, что-то говорил вполголоса, улыбался. Я заметила: на нас смотрели. Это было очень приятно, но это совсем не то чувство, что я пережила на вершине холма.

Пошли в кино. Едва погас свет, Томка с Эдиком обнялись и стали целоваться. Вадим не смотрел на экран, он не сводил глаз с меня. Сначала это доставляло удовольствие, немного волновало. Он придвигался все ближе, положил руку на спинку кресла. Она незаметно сползла мне на плечи. Вадим уже обнял меня, его дыхание обожгло мне щеку.

Я дернула плечами и ядовито-вежливо спросила:

— Тебе не мешает твоя рука? Вадим не спеша убрал руку и откинулся на спинку кресла. Я сжалась, словно меня опажнуло ледяным ветром. Я одна, одна... Но кто же сейчас был со мной там, на вершине холма? Может, мне все показалось? Я знаю свою склонность к фантазированию. Но ведь он сказал эти слова: «Есть люди, словно откроют какую-то дверь и позовут куда-то...» Он или не он? Я покосилась на него. Вадим теперь смотрел на экран.

Вышли из кино. Томка с Эдиком куда-то исчезли. Мы пошли по проспекту. Вадим шел, заложив руки за спину, поглядывал по сторонам и беспечно насвистывал. Я чувствовала себя неуклюжей, не нужной ему. Он не знал, что со мной делать. Ведь он, верно, привык, к определенному шаблону: если пошел с девушкой в кино, на свиданье, то что ж с ней делать, как не целоваться? Но там, на вершине холма... Не надо. Зачем я с ним? Опять ошибка...

— У тебя плохое настроение,— наконец, сказал он.

— Отвратительный фильм. Зачем только покупают такие картины за границей?

— Тебя расстроила откровенность отношений?— спросил Вадим с

нескрываемой насмешкой.

— Может быть.

— Все-таки есть в тебе что-то... не совсем нормальное...

Я опешила, кажется, он меня оскорблял? Вспыхнула, но вовремя вспомнила, что у нас битва: каждый дерется как умеет. Ответила сдержанно:

— Если считаешь нормальными девушек, которые в первый вечер знакомства кидаются парням на шею, то я — ненормальная. Определенно ненормальная.

— Хм. Печально, — рассеянно буркнул он, глядя на другую сторону улицы. Там шла с парнем та девушка, с которой он вчера танцевал.

Между огромными домами куда-то уходил узенький переулок. Я остановилась.

— Извини, я тебя оставлю. Мне надо забежать к одной знакомой.

— Тебя проводить?

— Спасибо. Не надо.

— Как хочешь.

— До свиданья.

— Всего.

Я свернула в этот переулок. Шла все быстрее и быстрее, словно от кого-то убегала. Вышла на незнакомую улицу, перешла мост, поднялась в гору, свернула на другую пустынную улицу, еще и еще и потеряла ориентир. Вернуться назад не хотела, боялась встретить его. Шла куда придется. Трое парней с гитарой перегородили мне тротуар. В другой раз я бы вернулась или обошла их, а тут пошла прямо на них, звонко и зло стуча каблуками.

— Разрешите! — приказала, и они расступились.

— Ух, какая!— крикнул один из них мне вслед.

Спустилась к речушке, перешла мостик. Очутилась в маленьком сквере, села на скамью и заплакала. О чем? Наверное, о том, что и этот — не он. Его, видимо, никогда не будет, потому что такого, какого я создала в своем воображении, нет. И я не знаю, как мне жить. Я не умею, не могу быть такой, как Томка и Люська, поэтому у меня ничего не получается, и я навсегда останусь одна... Такой «слишком идейной» и «непроходимо скучной» вырастила меня бабушка. Комсомолка двадцатых годов, она

была секретарем райкома, редактором газеты, еще кем-то. Она и сейчас ректор народного университета. Вечно кого-то воспитывает, кому-то помогает, что-то ее волнует. И меня она приучила вмешиваться в жизнь. Какое мне дело, что показывают гнусные фильмы, что девушки целуются с парнями прямо среди улицы! Мне-то что! Не знаю. Трудно мне такой...

15 июля.

Весь день наводила порядок в садике: полола, поливала цветы, подставляла под яблони подпорки. Физическая работа меня всегда успокаивает. Сейчас прочитала вчерашние записки. Кажется, я обвинила бабушку в том, что она меня плохо воспитала? Разве бы я хотела быть другой? Не знаю. Воспитала меня не только бабушка, а все люди, окружавшие с детства и в отрочестве. Не забуду нашу классную руководительницу Нину Васильевну. Была она совсем молоденькая, но такая сердечная и внимательная, интересная и веселая. Мы, пятиклашки, были в нее влюблены. Однажды, как обычно, мы провожали ее из школы толпой. Нам встретились две девицы, подвыпившие, с папиросами в зубах. Нина Васильевна посмотрела им вслед и как бы про себя, негромко сказала:

— Как отвратительны пьяные и курящие женщины!

И этого было достаточно, чтоб я на всю жизнь получила отвращение к пьющим и курящим девицам.

Прошло несколько лет. Я окончила школу, поступила в пединститут, чтобы стать учительницей, как Нина Васильевна. В эти годы было и такое, о чем не хочется вспоминать. Тогда я была девчушка и все выдержала, почему же сейчас как будто в чем-то уступаю этому парню? Что со мной? Это надо понять...

18 июля.

Была на выставке в Нарзанной галерее. Художник местный, талантливый. Живопись редкая, акварельная, на мой вкус, в хорошей манере, ни тени абстракционизма. Пейзажи южной природы: «Сосны в Домбае», «Эльбрус утром», «Турье озеро» и другие. Особенное впечатление произвела

картина «Свежий ветер». Взморованное море. Белые гребешки волн. По небу несутся облака. На утесе одинокое дерево наклонилось в ту сторону, куда дует ветер и стремительно уносится облака. Оно рвется в тревожную бурную неведомую даль. Каждая веточка, каждый листок стремятся улететь но дерево не может оторваться от родной скалы...

— Что тебе понравилось в этой картине?— спросил кто-то за моей спиной.

Обернулась. Вадим стоял передо мной. Стройный, из-за расстегнутого ворота белоснежной рубашки видна загорелая шея, синие глаза полны радостью. Я молча любовалась им, как произведением природы.

— Добрый день!

— Добрый... — не знаю какой был у меня вид. Не хотела бы я, чтоб он догадался... О чем? Ну, хотя бы о том, что он производит на меня впечатление.

— Я тебя испугал?— говорил бережно, ласково.

— Ну, знаешь... Грохнул над самым ухом.

— Разве я грохнул?

— Может, показалось. Я задумалась,— надо же как-то объяснить замешательство.

— Прошу прощения. Что тебя так захватило в этой картинке?

— Почему — картинке? Что за пренебрежение? Это произведение искусства. Посмотри на картину, какое чувство она у тебя вызывает?

Он скользнул взглядом по картине.

— Никакого,— приподняв брови, посмотрел на меня.

— Мне тебя жаль.

— Да-а?

— Да. Ты слеп и беден, как последний нищий.

— Благодарю. Впрочем, это верно. В искусстве я ничего не понимаю, да и понимать нечего. Я физик и ценю только науку и технику. Сама суди, что стоит ваше искусство, если детективы задвинули в угол Пушкина и Толстого. В наш век какую-то ценность представляют наука и техника, но и они очень скоро слопают себя и человека.

— Жуткая философия.

— Жуткая.

— Однако она не мешает тебе весело жить.

— Ничуть. Наоборот: пока жив — живи, бери от жизни все, что она может дать. Так-то, моя милая идейная подруга!

— Почему подруга?

— А кто же ты? Скажи, кто ты?

— Случайная знакомая.

— Пусть лучше — таинственная незнакомка. Пойдем погуляем в парке и поспорим на идейные темы.

— Для тебя всякая идейность — непроходимо серая скука.

— Не всегда. Идем.

— Я еще не осмотрела выставку.

— После осмотришь. Она тут будет висеть сто лет. Кому она нужна?

Я прочитала стихи:

Как объяснить слепому,

Слепому, как ночь, с рожденья

Буйство весенних красок,

Радуги наважденье?

— Черт возьми! Как это у тебя получается, что для тебя все ясно, и ты... всегда права! Но все равно пойдём. Я тебя оч-чень прошу!

И я пошла, куда хотел он, оставив то, что интересно и дорого мне. А в душе бурный протест. Вот теперь я вполне поняла картину «Свежий ветер». Я рвалась, тянулась к нему вся, до последней клеточки, и в то же время сопротивлялась, боролась с собой. Я стояла на высокой скале на слишком свежем ветру, перед бурным житейским морем и туманной неизвестностью. Я гнулась под ветром и стремилась выпрямиться.

Шли тенистой пустынной аллеей, поднимаясь все выше и выше. Вадим был весел, предупредителен, остроумен.

— Вечером мы были на озере. Я надеялся встретить тебя.

— На что я тебе?

Он молча, глядя на меня, загадочно улыбался и вдруг почему-то погрустнел.

— Не знаю. Кажется, меня так сильно не тянуло ни к одной девушке. Ты что-то будишь во мне...

— А тебе не кажется, что там, на проспекте, тебя еще сильнее потянуло к той, другой?— спросила я дружески-язвительно.

— Может, ты ошибся: это она в тебе что-то будит,— я подчеркнула последние два слова.

— Когда это? А-а! Ничуть. То уже пройденный этап. Просто тогда мне было досадно на тебя. Сознайся, в тот вечер ты вела себя грубо, неженственно, а это отталкивает. Елочка, давай кончим войну, установим добрососедские отношения. Ладно?— попросил он совсем по-мальчишески, и опять покорила меня.

— Идет, — согласилась я. — Расскажи о себе.

— Вадим Муранов, студент шестого курса физмата, будущий инженер. Хобби — спорт. Был на соревнованиях в Мехико, в Бельгии и Швеции, туристом в Париже, Берлине, Риме. Что еще? Родители врачи, живут и работают в Кисловодске. Больше мне о себе нечего сказать. Личность довольно заурядная. Хватит?

— Довольно, удовлетворена.

Мы бродили по аллеям, любовались парком, болтали о том о сем, не касаясь острых тем. Мне было с ним хорошо, как ни с кем никогда не было. Но это не то чувство, какое владело мной, на вершине холма, более «земное», что ли, но тоже новое и радостное, и я опять поверила, что Вадим — ОН.

Путь нам пересекла Ольховка, здесь она довольно глубокая, но неширокая.

— Туда переберемся? — спросил Вадим. Сегодня он обо всем меня спрашивал, не решал сам, как в первый вечер. Он как птица перелетел на другой берег. Я замешкалась.

— Погоди, я тебя перенесу, вон там, по камням,— живо предложил он.

— Не надо.

— Почему?

— По камням я сама перейду. Да и здесь перепрыгну. Отойди.

Я перепрыгнула. Он подхватил меня на лету на руки.

— Здорово! Молодец! А почему ты все-таки не хотела, чтобы я тебя перенес?— спросил он.— Я всегда был уверен, что девушкам это приятно,

— Будет похоже на эпизод из известной радиопьесы.

— Из какой?

— Вспомни,— я назвала пьесу.

— А-а! Хорошая пьеса. После того, как парень перенес девчонку, они уединились в пещеру, а потом прибежала ночевать к нему на чердак. Ты это имеешь в виду?

— Хотя бы.

— Ну и что? Не все ли равно на чердаке, в пещере ли, где-нибудь в укромном уголке в парке?..

Мне стало страшно и больно от того, что рушилось то доверчивое теплое настроение, какое владело мной. Я отступила и сквозь стиснутые зубы произнесла:

— Ты-ы ведь не веришь в любовь...

Он передернул плечами, стряхивая что-то, и поспешно полез в карман за сигаретами. Закурил.

— Не верю в тургеневскую, приукрашенную, выдуманную, — начал он, не вынимая изо рта сигарету, и получилось, говорил сквозь зубы.— Но нельзя же отрицать могучую тягу полов.

— Нельзя отрицать настоящую тургеневскую любовь. Сам Тургенев всю жизнь любил самоотверженно!

— Ну, и остался с носом,— невесело пошутил Вадим.

— Не смей так говорить. Ненавижу этот бесстыжий разговор. Ненавижу! Ненавижу!.. Я тоскую о чистом и светлом, о прекрасном!— голос у меня задрожал, и я увидела глаза: кажется, он пытался понять что-то, недоступное ему.

— Вот ты какая... Опять новая!..

— Такая я! И не пытайся меня перевоспитывать.

— Ты удивительная... Лиза Калитина. Чистая и целомудренная.

— Что Лиза Калитина! Ей никто не смел говорить таких гадких слов! Ей не приходилось так... так отчаянно защищать свое достоинство!

— Да, ты другая! Ты не прошлое. Ты девушка новой эры! Ты, может быть, та, о какой мечтают! Но почему мы с тобой все время спотыкаемся? Почему не можем понять друг друга?

— И никогда не пойдем. Мы настолько разные, настолько противоположно смотрим на жизнь и отношения людей, что общение не может доставить нам никакого удовлетворения, поэтому я предлагаю раз-

знакомиться.— Внутри у меня все горело и бушевало.

— Что-о? Ты это серьезно?— на лице его отразилась тревога.— Но ведь это неумно, наоборот, общение между разными людьми может быть интересным. Одинаковые люди очень быстро надоедают друг другу. Я не согласен с твоим предложением. Ты мне... нужна! Да ведь и ты...— он понизил голос и наклонился ко мне,— и ты этого не хочешь... Ведь правда, не хочешь?

Мне захотелось прикинуть к его груди и заплакать, пожаловаться, как трудно бороться с ним и с собой. Но я призвала на помощь всю мою гордость.

— Вы, сэр, слишком самоуверенны. Вам кажется, что ни одна девушка не сможет отказаться от знакомства с вашей обаятельной персоной,— я сделала паузу. Он же понимает, что нравится мне. Как мне разуверить в этом его и себя? Отступила назад и осмотрела его от роскошной шевелюры до кончиков заграничных ботинок.— Конечно, ваша оболочка привлекательна, а я в душе художник и люблю все прекрасное. Я люблюсь этим великолепным каштаном, кустом вон тех чудесных роз, ну и... вашей оболочкой. Но если под этой красивой внешностью труха и гниль, то я способна не заметить и красивую обертку. Желаю вам освободиться от излишней самоуверенности. Не поминайте лихом!

Я быстро пошла по аллее, не оглядываясь, только на повороте краем глаза увидела, что он все еще стоит на том же месте и смотрит мне вслед. Он не позвал меня, не стал догонять. Поверил ли тому, что я сказала? Не мог не поверить, потому что это правда: он меня и влечет и отталкивает.

Все-таки почему-то чудится, что он «родственная душа». Я не могу забыть, каким он был на вершине холма, не могу забыть сказанных им слов и своего тогдашнего чувства. И еще: есть в нем нежность, ласковая мягкость, чуткость и горячее чувство, на которое трудно не ответить. Что это? Любовь? Страсть? Но страсть — это, кажется, и есть та самая «тяга», «зов». Как я мало знаю, как трудно мне разобраться. Я даже себя не понимаю. У

меня никогда не было такой тоски, такого буйного желания видеть его. Неужели это все-таки любовь? Но зачем же она пришла, непрошенная, к духовно чужому?! К чужому?.. Но почему он кажется мне родным... Не понимаю. Все спуталось. Я должна уехать. Могла бы жить здесь еще месяц, но я уеду завтра.

25 июля.

Прошла неделя. Я не уехала. Чего жду? Почти никуда не хожу, боюсь его встретить. Перечитываю Достоевского «Братья Карамазовы», «Идиот». Как подчас ужасны и низменны человеческие страсти! Они корежат, ломают и сжигают душу, но порой и возвышают ее. Хочу понять, как управлять страстями, как низменное превратить в возвышенное, если это вообще возможно. Наверно, у людей с низкой натурой и страсти такие же. Все время думаю о Вадиме. Теперь мне кажется, что у него даже не страсть, а мелкая страстишка. Он давным-давно забыл меня, — «пройденный этап». Зачем же я думаю о нем? На что он мне?

30 июля.

Вчера видела Томку с другим парнем. Эдик исчез. Сегодня спросила ее. Томка счастливо улыбается. — Толик хороший парень, не то что Эдька. Он меня очень любит. И я его люблю.

Хочу понять таких девушек. Верно, сердца у них открыты настежь и готовы полюбить того, кто согласится стать «другом жизни». Конечно, это крошечная любовь, но я не хочу их осуждать. Говорят, большая любовь — чувство редкое, не всякий может так полюбить. Ты ее ждешь, а она не приходит. Лучше маленькая, чем никакая, чем остаться на всю жизнь одной, никому ничего не отдать и не получить. Страшно прожить свою единственную жизнь бездарно. Хочу, чтобы Томка была счастлива, пусть ее маленькая любовь перерастет в большую.

Я уже меньше думаю о Вадиме, но я... пишу его портрет, по памяти. Должно быть, у меня осталось только восхищение его красотой, никакой духовной близости и этой самой «тяги». Возможно, восхищение кра-

сотой, общение с портретом — тоже любовь? Ведь сказала же Анна Каренина, сколько сердец, столько и родов любви. Вспоминается рассказ индийского писателя Балевата Сингха «Шахназ». Художник полюбил девушку, которую никогда не видел, только переписывался с нею. У них возникла духовная близость. Он написал портрет, какой ее себе представлял, создал шедевр женской красоты. Он любил духовно близкую женщину, воплощенную в портрете, и этим, возможно, был счастлив. Кто знает, какое оно, счастье? Они встретились случайно, когда он уже был старик, и она не молода. Из его рассказа о переписке с девушкой по имени Шахназ она узнала себя, но ему не сказала. На другое утро она увидела нечаянно портрет прелестной девушки с подписью Шахназ и свежие розы у ее ног. Женщина поняла, что он всю жизнь любил ее духовное воплощение в этом портрете. И старик, увидев ее у портрета, взволнованную и растерянную, понял, кто она.

Я люблю этот рассказ и часто его перечитываю. Если бы тогда я ушла с холма и больше бы с Вадимом не встречалась, я бы любила его, воображаемого, всю жизнь! Нет, зачем же? Я тоскую о живом. Шахназ рыдала, когда осталась одна. Старик «напоминал потерпевший крушение корабль, у которого сорваны паруса». Иллюзия любви — это не настоящее счастье. А где же не иллюзия?

Шла из магазина с продуктовой сумкой по Нижней аллее парка. Ни души, покой, должно быть, потому, что на обочинах аллеи все еще цветут мои любимые одуванчики и синий цикорий. Дорогу мне преградил человек. Подняла голову — Вадим! Стоит, засунув руки в карманы, и молча смотрит на меня. Слегка качнулись пирамидальные тополя. Боковым зрением увидела на шоссе легковую машину, в ней парни и девушки, среди них та... Они с любопытством смотрят на нас. Я догадалась: ехали на озеро, он увидел меня и выскочил из машины.

— Почему тебя нигде не видно? Прошу, свернем, поговорим, — он кивнул на боковую аллею.

Может быть, я не выдержала бы, свернула, но из машины за нами наблюдали,

и я отрицательно покачала головой, но сказала почему-то дружески-ласково:

— Давай лучше не сворачивать, пойдем прямой дорогой,— обошла его и пошла дальше. В машине засмеялись.

Через несколько секунд машина обогнала меня.

4 августа.

Ночью проснулась, словно меня кто-то толкнул. На стене против окна слабый свет то разгорается, то бледнеет — кто-то курит за окном. Привстала, чуть отвернула уголок занавески. У низкой изгороди человек, в темноте светлячок папиросы. Сердце подсказало — он! Откинулась на подушку. Светлое пятно на стене стало ярче, должно быть зажег спичку, закурил новую сигарету.

Я улыбалась торжествуяще и злорадно. А, может... нежно? В мозгу почему-то бились есенинские строки: «Милый, милый, смешной дуралей!» Что же ты стоишь? Ты же знаешь, что смешной тип мужчины, вздыхающего по любимой, давно исчез, что в любви образовался вакуум, а есть только слишком доступные женщины, так зачем же стоять?

8 августа.

Мое затворничество кончилось. Все эти дни хожу по городу, на озеро, беру лодку, выплываю на то место, где увидела его впервые, сложив весла, подолгу сижу. Иду в Комсомольский парк, поднимаюсь на вершину холма, к обелиску, и подолгу стою, закрыв глаза, вызываю то чувство, какое тогда пришло ко мне, вижу его лицо, слышу голос. Неустанно брожу по аллеям Большого парка, по тем местам, где мы ходили с ним. Чего ищу? Конечно, встречи с ним. Но его нет, он исчез, может, тогда ночью приходил прощаться и уехал. Мне грустно и светло. Я благодарна ему за это подаренное мне чувство.

12 августа.

Сегодня случилось такое, что я не могу опомниться. Дома я одна. Постучали. Вошел Вадим. Я вскочила и, кажется, прижала руку к сердцу, потому что оно имело намерение выскочить, как ему полагалось в таких случаях. Вадим

остановился у двери, сказал:

— Здравствуй. Ты одна?

Я не могла разомкнуть губ и отвести от него взгляда. Дикое состояние.

— Пойдем, поговорим. Здесь могут помешать.

И я пошла, забыла, что в одном домашнем сарафане, в старых босоножках и волосы распущены. Споткнулась о ковровую дорожку. Ноги подламывались, едва тащила следом... следом за парнем! Сообщила, какое это унижение, и за калиткой остановилась.

— Я не пойду.

— Пойдем. Пожалуйста. Прошу.

— Я не переоделась и не причесалась.

— Сарафанчик вполне приличный, а твои волосы во всяком виде хороши. Мы недалеко, в вашем парке.

И я опять потащила. Нет! Теперь уже почему-то не тащила, а медленно плыла по воздуху, тихонько летела, как часто летаю во сне, почти закрыв глаза, легко опираясь на его руку, бережно поддерживающую меня под локоть. И опять новое изумительное чувство захватило меня. Все, что было раньше, не такое. Сколько же еще будет раскрываться тайн? Как долго мы шли — не знаю. Если б вечно парить в этом полете! Но он сказал:

— Сядем здесь.

Я оглянулась. Мы были в самом глухом углу нашего парка. Здесь почти никогда никого не бывает. Где-то внизу приглушенно гудят машины, шумит толпа, а здесь тихо, тень, зелень и цветы.

— Сядем,— повторил Вадим.

Теперь я разглядела, как он изменился: похудел, потускнел, не улыбался ослепительно, как прежде, что-то робкое, неуверенное появилось в выражении его лица и движениях. И мне пришли на память пушкинские строки:

Как рано мог он лицемерить,

Таить надежду, ревновать,

Разуверять, заставить верить,

Казаться мрачным, изнывать...

Вадим криво усмехнулся, на лице проступило выражение мальчишеской смущенности.

— Какое тут лицемерие...— не внятно пробормотал.— Ты меня... Я просто

попался...— и в третий раз в замешательстве повторил: — Сядем.

Я села на скамью, он тоже поодаль, не глядя на меня.

— Я не притворяюсь. Ты разбудила во мне что-то... Зажгла и ушла, оставила тоску по себе...— он помолчал.

— Ты хотел говорить. Говори.

— Мне трудно говорить. Ты вон какая ледяная. У тебя даже лицо и руки, будто изо льда.

Не знал он, что я вся горела: даже пятки, как раскаленные железки. Я незаметно сбросила босоножки и поставила ноги на прохладную траву. Чтоб не выдать себя, я промолчала, пожав «ледяными» плечами.

— Ты бы хоть немного оттаяла,— впервые за эту встречу он улыбнулся, но улыбка была робкая, застенчивая. Робкая — у этого самоуверенного парня! Это невозможно! А он продолжал:— Сказала бы что-нибудь ласковое...

— Зачем?— я опять пожала плечами.— Тебе слишком много говорили ласковых слов. Не хочу повторять других.

— Не скрываю, много любил, то есть думал, что любил. Было интересно и весело с девушками, но все это дешежка: на копейку тысячи поцелуев и ласк.

Эти грубо-откровенные, даже вроде хвастливые слова отрезвили меня.

— Чего ты хочешь от меня? Новой, неиспытанной встречи? Ты ошибся адресом.

Глаза его вспыхнули.

— Нет, не ошибся! Я люблю тебя! Люблю, черт меня побери, той самой любовью, над которой смеялся!— и явно радостно закончил: — Я не знал, понимаешь, не знал, какое это счастье... любить так!

Впервые я слышала признание в любви. И эти слова, повторяемые людьми, сотни раз прочитанные мной в книгах, были для меня потрясающе новыми.

И все же я сказала:

— Благодарю за признание. Интересно бы знать, просто так для статистики, в который раз ты повторяешь эти слова?

— Этих слов я никому не говорил,— медленно произнес он и откачнулся от меня.

Я быстро встала и отступила от скамьи, он тоже вскочил.

— Ты никогда не понимал, что каждая девушка хочет любви чистой, верной, преданной. Ты не хотел понимать, что каждая девушка ждет этих слов, учил их обходиться без слов. Я ненавижу вас... таких! Ты и сам разменялся на пятаки, а теперь разыгрываешь влюбленного потургеневски, чтобы получить... большое нерастраченное чувство.

Не помню всего, что я ему наговорила. А он смотрел на меня восторженно, будто я бросала ему в лицо не гневно-оскорбительные слова, а полные горячей любви.

— Еля, ты права: я жил бездумно и весело, не привык анализировать. Я не знаю, кто в этом виноват. Но не будем о прошлом. Сейчас я люблю тебя! Я впервые узнал это чувство! Поверь, впервые! Я люблю тебя вот такую... горячую и ледяную, гневную и колючую, чистую и волнующую! Я знаю, ты нежная и верная! А я... если бы растратил себя, то разве бы смог полюбить так вот, как люблю тебя! Я старался забыть тебя, честно старался... Но тебя нельзя забыть! Может, я всю жизнь ждал тебя, но не сознавал этого! Ты во мне что-то растревожила, и я увидел, что не так живу... не туда иду. Ты мне очень нужна!..— он говорил беспорядочно, прерывисто и в недоумении развел руками, удивляясь тому, что с ним случилось.

Он был сейчас такой, каким раскрылся на вершине холма. И я люблю его такого! Но как же глубоко все хорошее, светлое скрыто в нем под всяким мусором. Как же мне все-таки любить его? Я закрыла лицо руками и заплакала.

— Я тоже... тоже тебя... Но как же тебя... любить, если ты...

В первые секунды он, кажется, остолбенел, потом быстро шагнул ко мне, обнял, посадил на скамью, прижал мою голову к груди, гладил мои волосы.

— Я почувствовал... Я знал, что ты меня любишь! Любишь! Милая! Но зачем же так усложнять? Зачем мучить себя и меня?— Он отводил мои руки от лица и вытирал слезы своим платком, у меня даже платка не было.

Вадим прижимал меня к себе все крепче и крепче, его вроде была лихорадка. Я попыталась освободиться, но сил не было.

— Вот так, наверно, всегда и кончается...

Он рывком разжал руки, встал и, покачнувшись, отошел на другую сторону аллеи. Постоял, закурил, и, подойдя ко мне, сказал:

— Елочка, пойдем сейчас в загс, прямо отсюда.

Я уже не плакала, посмотрела на него, представила, как я такая растрепанная, иду по городу в загс, и мне стало смешно, а его предложение показалось шуточным.

— Нет, Вадик, не пойдем.

— А что надо делать?

— Не знаю. Наверное, надо что-то обдумать, понять, что может получиться из нашего союза.

— У-у, как длинно!— и он улыбнулся своей прежней обворожительной улыбкой.— Давай лучше не обдумывать.

— А я привыкла все обдумывать. Видишь, уже назревает семейный конфликт.

— Да ведь я почти месяц думал. Ну, хорошо, сегодня я не буду всю ночь спать, буду думать. Знаешь, иногда ночью я стоял у твоего окна, а ты спала. Мне было так обидно, — по-детски пожаловался он.

Моя рука коснулась его волос, погладила забубенную головушку. Я никогда не видела у него такого счастливого лица. Когда он меня поцеловал, я вообще ничего не видела. Поспешно опустила руку и пробормотала:

— Пойдем, тетя, наверно... Он вздохнул и пошел за мной.

— Елочка, я сейчас пойду к твоей тете... Как это называется? Просить твоей руки? Хорошо?

— Что ты!— испугалась я.— Это невозможно. У нас такой вид.

— Вид самый подходящий,— сказал он.— Ну, хорошо, приду вечером.

— Лучше завтра. Ты же ночью хотел думать.

— Уж очень долго, — опять, вздохнул он.

Скоро утро, а я терзаюсь, советуюсь с дневником. Чувствую, получается, опять что-то «не то», а что именно, не пойму. Все-таки слишком он легкомысленный, вроде играючи звал в загс, очаровательно улыбался, обещал думать всю ночь и, конечно, спит,

успокоился. Не пойдет ли он, так же мило улыбаясь, разводиться? Нет-нет! Что я такое пишу. Как он говорил о любви, о том, что я ему нужна! Как говорил! Какой же он на самом деле? Все-таки я его не знаю. Ведь он меня любит и я его люблю, что еще надо? Не знаю. У меня мутится разум. погоди! Да люблю ли я его? Говорят, когда любят, безгранично верят и недостатков любимого не видят. А я... Что я? А! Вот что! Мне надо опомниться, на все посмотреть издали. Милый, милый мой! Расстанемся? На время? Но как это трудно... смогу ли?

13 августа.

Пишу уже в вагоне. Уехала! Утром сказала тете, что плохо видела бабушку во сне. Тетя посмеялась над моей верой в сны, но удерживать не стала. Вид у меня был отчаянный. За ночь я измучилась. Тетя ушла на работу. В десять я была на вокзале. После посадки вышла в тамбур. Настроение у меня возбужденно-энергичное, довольна, что сумела себя одолеть. Посмотрела на чистенький вокзал, и сердце у меня сжалось. В этом городке я встретила его. Он это или нет, все равно я его полюбила.

И мне захотелось увидеть его, еще раз, хоть одну минутку! Нет, оставаться я не собиралась... И вдруг:

— Еля!

Я слетела на перрон, чуть не столкнув со ступенек проводницу. Вадим стоял, тяжело дыша, протягивая ко мне обе руки. Я подала свои, и они сомкнулись в горячем пожатии.

— Елочка, ты что, уезжаешь? Серьезно?

— Уезжаю, Вадя! А ты как узнал?

— Пришел к вам. Закрыто. Спросил у соседки. Говорит, только что уехала. Взял такси. Еля, ну что это такое? Это предательство...

— Нет, это поступок мыслящей девушки,— пошутила я.— Боюсь сделать тебя и себя... несчастными...

— Что за чепуха! Милая, скажи, что ты шутишь.

— Нет, Вадик, не шучу. Этим шутить нельзя.

— А как же я?

Мне до слез стало жаль этого взволнованного, растерянного мальчишку,

так он мне сейчас был мил, близок, дорог.

— Зачем же ты мне сказала, что любишь? Значит, не любишь, если так легко уходишь.

— Мне очень не легко.

Он оглянулся, должно быть, хотел обнять меня, но не решился.

— Я тебя не пущу!

— Не надо, Вадя!

— Я поеду с тобой!

А громкий голос репродуктора оповестил:

— Граждане пассажиры, прошу занимать места! Провожающие, освободите вагоны! Поезд отправляется через две минуты!

— Девушка, заходите в вагон. Молодой человек, хватит прощаться,— сказала проводница, видимо, все время наблюдавшая за нами.

— Еля, поеду? Ладно?— и он начал искать в карманах, верно, деньги. Но денег не было.

— Не надо, Вадик! Будущим летом я приеду!

— Будущим! Ты с ума сошла!

— Вроде не совсем,— улыбнулась я.— И если через год ничего не изменится, тогда... тогда...

Он рванулся ко мне, схватил за плечи.

— Но ведь год!..— едва выговорил он.

— Девушка, поезд пошел! Вы останетесь!

Вагон в самом деле плавно двинулся. Мы побежали, держась за руки. Вадим легко поставил меня на ступеньку.

— Молодой человек, отойдите, подножкой собьет,— приказала проводница.

Он выпустил мою руку. Никогда не забуду его глаз, преданных и печальных.

— Любит,— вздохнула проводница.— Что ж ты его оставила? Смотри, найдутся другие, такого красавца подхватят.

— Найдутся, значит, любит, да не совсем. Такая любовь мне не нужна.

Я ушла в вагон, влезла на верхнюю полку, легла лицом к стене. Может, уехала от счастья?.. Этого никогда не узнаешь.

